

Источник публикации:

Шатырёнок, Ирина. Перечитывая «Волоколамское шоссе» [Электронный ресурс] // Созвучие. – Режим доступа : http://sozvuchie.by/literaturnyj-kazakhstan/irina-shatyryonok-perechityvaya-volokolamskoe-shosse.html?fbclid=IwAR0LAsD3vmjBLvZUGnr_ZP9tUEIe3SpNh91BQKIDFvEN0CHhe_m2vgeWIFI. – Дата доступа : 06.05.2020. – на рус. яз. – фото.

Немного есть книг, прорастающих к нам сегодняшним через толщу времени из прошлого. Они состоялись, читаются, язык их не устарел, герои мужественны, поступки их понятны и вызывают гордость. Такое редкостное совпадение ушедшего военного поколения писателей и молодых читателей объясняет одно: автор и его герои – носители не только художественной правды жанра, но и жизненных реалий.

Разговор о повести Александра Бека «Волоколамское шоссе». Интересна судьба книги Александра Бека. Первая публикация вышла в 1943 году в журнале «Знамя», начиная с 1945 года и до наших дней более 20 переизданий в России.

«Волоколамское шоссе» было переведено практически на все основные языки мира, во многих странах повесть вошла в обязательное чтение для слушателей военных академий (в ЦРУ по книге Александра Бека изучали психологию советского командира).

Легендарный Бауыржан Момышулы (вариация написания отчества Момыш-Улы) – казах, панфиловец, писатель, Герой Советского Союза (посмертно), Народный Герой Казахстана. Повесть не только про оборону подходов к Москве, но прежде всего, про рядовых солдат и молодого старшего лейтенанта. У комбата участок в 8 километров и семь сотен солдат. Они почти все молодые, не обстрелянные новобранцы, сразу с курсов, с призывных пунктов в эшелоны и на фронт. За короткое время решительный, властный командир сумел объединить людей в единый, боеспособный организм, но хуже холода, голода сидел внутри людей страх, отчаяние, преодолеть его можно было азартом коллективного боя.

Почему вспомнила именно эту книгу, предыстория такова.

Сохранились листы-отрывки из послевоенных воспоминаний партизанского командира Д. А. Денисенко. Он не оправдывается перед новым поколением, но пытается рассказать, как трудно было жить, выживать и воевать на оккупированной территории. Воспоминания полны горечи и запоздалого разочарования.

Что-то из тех листов удалось расшифровать, что-то нет. Командир размышляет, какие есть различия в тактике и стратегии партизанской борьбы и регулярных войск, какая жизнь в лесу у партизан, и какая у солдат регулярной армии.

Командир читал «Волоколамское шоссе» уже после войны, читал вдумчиво, профессионально, выписывая из книги самые яркие цитаты. Боевому командиру Д.А. Денисенко созвучны слова главного героя повести, старшего лейтенанта Бауыржан Момышулы, человека не выдуманного, реального, его батальон выстоял в районе Волоколамского шоссе осенью 1941 года.

Что же отмечал в своем конспекте командир, что не давало ему покоя в послевоенные дни и ночи?

«Стр. 30-31...Хочешь остаться в живых? Значит, ты должен убить того, кто стремится убить тебя.

Враг идет убить и тебя и меня, – продолжал я. – Я учу тебя, я требую: убей его, сумей убить, потому что и я хочу жить... И ты требуешь от товарища – обязан требовать, если действительно хочешь жить, – убей! Родина – это ты. Родина – это мы, наши семьи, наши матери, наши жены и дети. Родина — это наш народ.

Цитату из книги *«Нелегко человеку стать солдатом, нелегко командиру дисциплинировать войска, а воевать еще труднее»* Дмитрий Анисимович взял эпиграфом к своим черновым наброскам. Ему хотелось высказаться, выплеснуть на бумагу свои впечатления, память – чуткий сторож, она крепко держит узелки прошлого.

«стр. 88. Я знал войну по литературе, по учебникам, уставам, по разговорам с людьми, побывавшими в боях, я участвовал в учениях, учил солдат, выступил с ними на фронт, и все-таки война оставалась для меня тайной, как для всякого, кто сам не испытал боя. В Польше, во Франции гитлеровцы продемонстрировали свою манеру войны: прорвав в нескольких пунктах линию войск, немцы на танках, грузовиках, мотоциклетах стремительно двигались вперед, подавляя затем сопротивление разрозненных окруженных групп. Так они пытались действовать и у нас.

Стр. 92. Нельзя воевать грудью пехоты, проговорил Панфилов. Особенно, товарищи, нам сейчас. У нас тут, под Москвой, не много войск... Надо беречь солдата... Беречь не словами, а действием, огнем».

Почерк у командира торопливый, скорописный, черновой, обрываются окончания слов, порой трудно разобрать фразу. Где-то мне приходилось догадываться по смыслу, править, чтобы сохранить авторскую мысль. Бывший партизан – не писатель, слова на бумаге ему трудно даются, но главная его мысль перекликается со словами в повести героя Бауыржан Момышулы *«А еще не легче человеку стать партизаном».*

Эти ветхие листки дождались своего часа, пришло время им увидеть свет – живые свидетели. Бывший командир на практике знал, в чем отличие партизанской войны в глубоком тылу противника, из чего складывается боеспособность партизан в

лесу и на передовой бойцов регулярной армии. Он готов был доказывать, спорить с равными себе, то есть с человеком войны, у кого за плечами опыт, боевые операции, удачная разведка, военная смекалка и хитрость.

В партизанке командир думал не только о замысле боев, «читал» отработанные схемы, планы будущих операций, но и мысленно расставлял бойцов так, чтобы малыми силами, без потерь бить врага, советовался с командованием, где фланг, где засада, как ударить по противнику неожиданно, кинжальным огнем. Текущие вопросы быта, как снабжение, запасы продуктов, склады продовольствия для своих бойцов, собственная молочная ферма, фураж для лошадей, та же банька, шорные мастерские, госпиталь, кузня... Большое хозяйство, у каждой группы, взвода, отряда свой командир, своя забота.

Стр. 101 *«Памфилов, – Не жалейте, товарищ Шилов, людей до боя, а в бою... берегите, берегите солдата в бою».*

Стр. 173 *«Батальоном, товарищ Момыш-Улы, тоже нелегко командовать... Общевоинской тактикой вы интересовались? Читали что-нибудь об этом?...Нет, товарищ Момыш-Улы, сумеете-ка принять с батальоном десять боев, двадцать боев, тридцать боев и сохранить батальон. Вот за это солдат скажет вам спасибо... Берегите солдата. Других войск, других солдат у нас тут, под Москвою, нет. Потеряем эти — и нечем держать немца».*

Так в чем же по Д.А.Денисенко отличие солдата-партизана от бойца регулярных частей, читаю: *«...речь идет о солдате, который не думает, как и где ему взять сапоги или ботинки, он полностью получает при призыве в армию обмундирование, получает автомат, гранаты, диски, боеприпасы. Старшина побеспокоится о его главной части организма – крепости силы и бодрости. Суворов говорил о солдате словами Великого военного знатока души солдата, половина успеха у солдата в его желудке, как он обеспечен, такой у него и настрой, и упрямство характера и негибкая воля к победе. Солдат видит своего врага впереди, тыл у него надежно прикрыт второй или даже несколькими линиями от врагов. А еще не легче человеку стать партизаном, вступить в народное ополчение (партизанское движение), оно всегда рождается в тылу врага, где враг имеет полное преимущество во всех отношениях и здесь играет другая сторона, на чьей стороне народ будет, то и победу будет иметь окончательную...»*

Несколько лет командир читал книгу Александра Бека, не отпускала его повесть, яркая образами, честная по содержанию, крепко держала. С легендарным Момышулы не поспоришь, верный был человек, хотел даже написать ему в далекий Казахстан письмо, настоящему герою, восточному человеку, смуглому, скуластому воину, из семьи кочевников, из рода шымыр племени дулат.

Ах, как же командир любил лошадей! Они бы поняли друг друга, два наездника, два командира. Но не судьба.

Стр. 218 *«...Один из тактических принципов молниеносной войны, примененный немцами еще в Польше, в Голландии, в Бельгии и во Франции, был, как известно,*

таков: прорвав в разных пунктах линию фронта, мчатся вперед, вперед, оставляя позади разрозненные, рассеченные, деморализованные части противника. Под Москвой это гитлеровцам не удалось... Тем самым мы заставили немцев вместо «вперед, вперед!» заняться ликвидацией очага сопротивления. Заставили... На военном языке это называется: навязать свою волю противнику».

Командир переписывается в 60-70-х годах с боевыми товарищами, терзается думами, как изменилось время, оно неумолимо, и что ему странно и непонятно – люди меняются, и не в лучшую сторону: «...многие наши друзья по оружию в суровые годы войны сильно изменились и главное переродились... Сейчас появились такие деятели, что хоть ума у них позычай». (Южный диалект Д.Денисенко, кубанские станичные словечки «позычай», «нехай», «трохи», «шукать» созвучны белорусскому языку).

Беспокоит его подрастающее поколение – «наши питомцы», думает не ради себя *«ради грядущих поколений, правдой, а не ложью отразить действительность тех суровых дней и для каждого памятных».*

Сегодня уже 2020 год, давно нашло свой покой партизанское поколение, более 30 лет покоится в поселке Любча на сельском кладбище командир, как и прежде холодным мартом заливают Неман прибрежные луга, на высоком берегу стоят вежи древнего замка. Здесь летом работают волонтеры из студенческих отрядов, восстанавливают древние руины.

Эхо далекой войны не дает покоя командиру: *«Партизаны в большинстве своем лишаются такого обеспечения, как солдаты, следовательно, и жизнь вся их разнится... неразбериха равно тому, что другой сидит на пороховой бочке, которая постоянно дает о себе знать, что она готова вот-вот взорваться, и так все дни и ночи... партизан должен своими действиями создать противнику тоже... пороховую бочку.*

Военная стратегия и тактика не имеет ничего общего со стратегией и тактикой партизанской борьбы и военной дисциплиной. Военные офицеры и молодые руководители часто хотят сделать ударение там, где нарушается дисциплина, в повелительной форме... Я с такими и подобными не желаю даже вступать в разговор. Считаю это грешить перед правдой, показывая свою неграмотность и даже невежество».

В послевоенное время уже подросли другие, встречался с ними в кабинетах, в райисполкоме, на партхозактивах. Командир на дух не выносил кабинетных, канцелярских людей, плохо находил с ними общий язык, какие-то они вялые, от бумажки не оторвутся. Мелкие чиновники часто были не согласные с его резким, требовательным тоном, упрекали – *«это вам, Дмитрий Анисимович, не с пулеметом на тачанке, или на лошади скакать, поостерегитесь, и слова выбирайте, надо культурно с людьми разговаривать, без матерка...».*

У каждого поколения своя горечь и разочарования, не миновали эти чувства при жизни и Д.А.Денисенко. Война давно закончилась, выросли, выучились дети бывших

партизан, у внуков давно мирная жизнь, она ставила новые проблемы, а он все мучился прошлым – раненое войной поколение.

Остался работать на земле, возглавил колхоз в Любче Новогрудского района, вывел хозяйство в передовые, тому свидетельство высокие правительственные награды – два ордена Трудового Красного Знамени. Любча – старинное местечко, с высокого обрыва, где стоит замок XVI века, видно, как круто делает поворот Неман, течение его здесь резко меняется, темные воды холодны и стремительны, в мартовские ясные дни до горизонта блестят заливные луга.

В командире жила и отзывалась душа крестьянина, пахаря, особенно по весне, когда вся природа возрождалась к новой жизни, цвела и пела, он сам по-особому дышал, радовался пашне, дружной сельской работе. Земля белорусская – больше суглинка, песчаная, в низинах глина, на полях каждый год вырастает новый урожай камней. Сочная, буйная зелень радуется, все зелено в лесах, полях, разнотравье, пахнет чабрецом, глаз отдыхает. Не такая земля, как на его далекой родине, на Кубани, ступишь ногой – жирный чернозём, дрожит в горячем мареве пейзаж цвета высохшей соломы.

Особенно мучительно приходилось, когда бывал в лесу – грибы ли, рыбалка, охота – Налибокская пуца могла обмануть, ошетинится, обступит вдруг непролазный, дикий лес, кричи – не кричи, никто не услышит, выходи сам, по приметам, по солнцу, по замшелым бокам сосен, что смотрят на север. Кто-то будто тебя водит, водит, заманивает в глубину глухого леса, к болотам, нагоняет какой-то туманный морок и сонливость. Подступали воспоминания, самому не верилось, что не надо напрягаться, искать глазами удобную площадку для наблюдения, прятаться, мягкий мох тянет прилечь, заснуть.

Остановись, стряхни пьяный дурман, соберись с мыслями, успокойся, лес – не чужой, тебе, как дом родной, и укрывал, и кормил, и сберег...

На встречах в майские дни шли белорусские партизаны на кладбище, к братским могилам, вспоминали прошлое, выпивали горькую рюмку и поминали погибших друзей. Многие ушли после войны не по возрасту рано, добивали раны, болезни, осколки.

Но страшнее всего – вязкие, как болотная темная жижа, мутные сны, особенно долгими зимними ночами. Давний страх душил, сдавливал горло, сердце каждый раз разрывалось, как прострелянное горячей пулей. Проснешься – живой, слава богу, утрешь мокрое лицо, стыдно влажных глаз, сердце колотится, не сразу поймешь, где ты, что с тобой. Война проклятая, догоняет... Никто не видит твоих ночных слез, никто не осудит за позднюю слабость...

На праздничных маёвках больше отмалчивались, першило в горле у седых, постаревших мужчин, на груди ордена и медали, а в душе вечная боль, тяжелый камень. С каждым годом редели их ряды, что-то иногда публиковали к юбилейным датам сами, что-то рассказывали журналистам. Но не договаривали, носили в себе глубинное, невысказанное, не нашлось рядом чуткого уха, отзывчивого сердца, чтобы

записать, систематизировать рассказы старого партизана, подписать фотографии. Многие лица на старых снимках остались безымянными. Для нас.

Перечитывал книгу «Волоколамское шоссе», делал карандашом пометки, восхищался товарищем Момыш-Улы.

Стр. 299 *«Казак сказал: казаки говорят: «Человек счастлив там, где ему верят, где его любят».*

Стр. 463 *«...– Согревай своих бойцов не только водкой, но и, главное, надеждой. Не смей терять ее».*

Сам командир собирался написать мемуары, все откладывал на потом, в конце жизни подвело здоровье, старые раны давали знать, часто ложился подлечиться в госпиталь под Минском. Говорил лечащему врачу.

– Ничего не боюсь, можешь резать меня по живому, без наркоза... Прошел всё, натерпелся в лесном госпитале, стерплю любую боль.

Врач только усмехался в ответ, удивлялся терпению несговорчивого ветерана, после обхода назначал по схеме новые лекарства. Мучился Денисенко перед смертью, умирать выписали домой. Жена боялась за него, горячий характер, прятала с глаз долой боевой именной револьвер, а потом и вовсе утопила в водах Немана. Думала, что не выдержит старый партизан, решит все проблемы выстрелом в сердце. Не хотел постыдной смерти, с этой старухой умел еще на войне договариваться, пулям никогда не кланялся, дерзкий был и отчаянный.

В Новогрудский историко-краеведческий музей вдова отдала все двадцать пять правительственных наград, личные вещи, и пустую кобуру от револьвера. Так он на стенде и висит пустой.

Читаю Д.Денисенко, как будто слышу его голос. Жалею, очень жалею, что разминулись мы с командиром лет так на тридцать, при жизни не встретились, а могли бы. Через его рукописи приобщилась к книге Александра Бека «Волоколамское шоссе», перечитываю, спасибо ему за добрый совет.

«Партизанское движение на особых законах и каждый партизан знает глубокую тайну, умирая в бою, он уносит с собой тайну в могилу и никогда ее не разгадает и не назовет врагу и сегодняшним пустоцветам...»

Партизанское движение Беларуси насчитывало в своих рядах полмиллионную армию патриотов, которая действовала в глубоком тылу врага. Неоднократно враг проводил широкомасштабные операции..., в несколько раз превосходящие...»

Моя законченная документально-художественная повесть «Командир» сделала свое дело, уже свела нас на страницах: незаметного автора, женщину с мирным именем Ирина из наших дней и настоящего Героя войны. Только он вряд ли так о себе думал.